

Его величество был так близко, что стоило лишь протянуть руку, чтобы заключить его в объятия. Его величество не корил его за дерзость, не осуждал за безумные мечты.

Его величество видел насквозь все его терзания и боль.

Его величество всегда был добр к окружающим.

Чжэньнань-ван чуть крепче сжал руки, обнимая Цзи Цзиньжуна:

— Ваше величество, я так тосковал по вам, — он впился взглядом в сияющие глаза Цзи Цзиньжуна, — с самой нашей разлуки.

Уши Цзи Цзиньжуна слегка покраснели. Он не отвел взгляда, продолжая смотреть прямо на Чжэньнань-вана, и отчетливо произнес:

— Вэй Тинцзюнь.

Чжэньнань-ван на мгновение замер, а затем искренне отозвался:

— Я здесь.

Хотя между ними давно не было секретов, от этих слов на душе у Цзи Цзиньжуна стало тепло.

В мире нашелся человек, готовый ради него пройти сквозь огонь и воду, чтобы вырвать его из лап смерти. Было бы ложью сказать, что он не тронут — особенно если вспомнить, как Вэй Тинцзюнь не отходил от его постели, когда он угасал от болезни.

Цзи Цзиньжун произнес:

— Есть вещи, которых я не понимаю, — в его глазах блеснул огонек, — но я могу попробовать научиться.

Чжэньнань-ван весь подобрался. Он пробормотал:

— Я...

Цзи Цзиньжун прервал его:

— Я знаю. То, чего ты хочешь, мне известно. Просто я... я пока не понимаю.

С самого детства Цзи Цзиньжун никому не доверял. Иначе, будучи таким болезненным, он давно бы сгинул в глубинах мрачного дворца. Он верил, что сможет стать мудрым правителем, верил, что справится со всеми государственными делами, но в вопросах доверия и любви не был уверен, что сможет открыться.

Потому он и сказал, что не понимает.

Сердце Чжэньнань-вана сжалось.

Разве мог Цзи Цзиньжун понимать?

Даже вернувшись в Великую Чжоу, Цзи Цзиньжуну было всего девятнадцать. Последние десять с лишним лет он провел прикованным к постели: сначала думал лишь о том, как выжить, а потом — как спасти страну от неминуемого краха. Разве было ему время думать о

романтике и нежных чувствах?

Чжэньнань-ван притянул его к себе.

Цзи Цзиньжун был еще юн, да и ростом пониже, так что он без труда смог крепко его обнять.

— Ваше величество, я тоже не понимаю, — признался Чжэньнань-ван. — Я всегда боюсь, что, если буду давить слишком сильно, лишь оттолкну вас от себя. Иногда мне хочется вообще ничего не говорить, чтобы вы не знали о моих чувствах, и, может быть, я смог бы остаться рядом, как прежде. Но я знаю, что вы никогда не доверитесь мятежнику, — он сжал объятия еще крепче. — Каждую минуту я думаю о том, что скоро вы поднимете на меня меч, чтобы покарать этого дерзкого предателя.

Цзи Цзиньжун слегка вздрогнул.

Чжэньнань-ван знал его слишком хорошо.

Если бы на месте Чжэньнань-вана был кто-то другой, то по возвращении с западных рубежей его бы уже ждали наемные убийцы.

Цзи Цзиньжун не был мягкосердечным — среда, в которой он рос, не позволяла такой слабости. Если бы не влияние старого наставника, он бы и вовсе не заботился ни о судьбе Великой Чжоу, ни о ее народе.

— Верно, — прямо ответил Цзи Цзиньжун, — я об этом думал.

Чжэньнань-ван не огорчился.

Таков был его император. Плохое или хорошее — он всегда признавал свои мысли и никогда не боялся, что кто-то затаит на него обиду.

Да и как он мог обижаться?

— Поэтому, — сказал Чжэньнань-ван, — ваше обещание попробовать научиться для меня — величайший дар небес. Ваше величество, — он прижался грудью к спине Цзи Цзиньжуна, — мое сердце начинает биться так бешено с того самого момента, как вы произнесли эти слова. Я не могу заставить его успокоиться.

Цзи Цзиньжун отчетливо чувствовал, как колотится сердце Чжэньнань-вана.

Он не стал отстраняться.

Спустя некоторое время Цзи Цзиньжун спросил:

— Тогда, может, ты скажешь мне, что будет, если я вернусь отсюда назад?

Как только вопрос слетел с его губ, обнимавший его человек окаменел.

Цзи Цзиньжун обернулся и посмотрел на Чжэньнань-вана, ожидая ответа.

В горле у Чжэньнань-вана пересохло.

Он знал, что его император невероятно проницателен. Даже если он подавил влияние той самой системы, Цзи Цзиньжун всё равно мог предугадать, что произойдет.

На нем уже висел тяжкий груз грехов, и Главный Мозг не позволит ему вернуться в Великую Чжоу вместе с Цзи Цзиньжуном.

А раз Цзи Цзиньжун пришел сюда, он больше не мог полностью разрушить этот пространственно-временной континуум и уйти в другой мир. Тем более он не мог совершить государственный переворот, чтобы сделать Цзи Цзиньжуна правителем погибшего государства.

Возможно, в момент провала задания ему придется заплатить за все совершенные убийства.

А ведь до этого он хотел лишь одного — снова увидеть своего императора. Одной встречи было бы достаточно. Но когда он увидел его, то стал жадно желать большего, переступить черту. А переступив, он осознал, что одной жизни слишком мало... особенно когда его величество спросил, что будет дальше!

Что с ним будет?

Возможно, он исчезнет, рассеется в прах.

Встретившись взглядом с пытливыми глазами Цзи Цзиньжуна, Чжэньнань-ван не смог вымолвить ни слова.

Сердце Цзи Цзиньжуна медленно ушло в пятки.

У всего в мире есть причина и следствие. Вэй Тинцзюнь совершил ради него множество злодеяний, и когда придет время платить по счетам, он не сможет избежать расплаты.

Цзи Цзиньжун нахмурился:

— Какое безрассудство!

Чжэньнань-ван сжал кулаки.

— Ваше величество, я не жалею, — сказал он, глядя на Цзи Цзиньжуна. — Я никогда не буду жалеть. Тогда вы были таким маленьким, не могли есть то, что хотели, не могли пойти туда, куда желали, и уж тем более не могли сделать того, о чем мечтали.

Что бы ни ждало его в будущем, возможность снова увидеть своего императора, позволить ему вкушать все лакомства мира и полюбоваться красотами этой земли стоила дороже, чем любая прожитая сверх меры жизнь.

Это был выбор, о котором он не пожалеет никогда.

Видя упрямство в глазах Чжэньнань-вана, Цзи Цзиньжун смог лишь сказать:

— Разберемся с Силяном, а там видно будет.

— Не волнуйтесь, Ваше величество, Силян скоро станет послушным, — ответил Чжэньнань-ван.
— Раз уж мы откусили такой кусок, нужно его хорошенько переварить, чтобы потом не возникло проблем.

Закончив с делами, Чжэньнань-ван добавил:

— Завтра возвращается морской торговый караван. Хотите взглянуть?

За эти три месяца Цзи Цзиньжун несколько раз покидал дворец. Иногда он навещал больных сановников, иногда заходил в чайные и винные лавки, чтобы послушать разговоры простого люда, а порой просто гулял по городским улицам и окрестностям.

Хань Шичжи и Чжансунь Мэн всегда сопровождали его, так что никаких опасностей не возникало.

Глаза Цзи Цзиньжуна загорелись:

— Хорошо.

Морской торговый караван, по сути, был флотом, созданным самим Чжэньнань-ваном. Выходец из низов, на юге он почти стал единоличным правителем. Еще в былые годы он захватил несколько крупных портов, построил верфи и заставлял людей день и ночь строить огромные корабли.

После долгих усилий им удалось создать суда, пригодные для дальнего плавания.

Но корабли — это лишь полдела, нужны были люди. Чжэньнань-ван прекрасно разбирался в мореходстве, и обучить флот для него не составило труда. К тому времени, как о нем узнали остальные, он уже стал властелином Юга, а доходы от морской торговли могли наполнить всю государственную казну.

Поэтому, когда покойный император предложил пожаловать ему титул вана, никто из чиновников не посмел возразить. Напротив, они были в тревоге, опасаясь, что Чжэньнань-ван откажется от «милости».

Живет себе человек припеваючи, с какой стати ему идти к вам вторым лицом?

Никто не ожидал, что он согласится.

На самом деле, когда новый император взошел на трон, многие чиновники при дворе уже приготовились к смене династии. Если бы он действительно хотел поддержать малолетнего правителя, разве выбрал бы такого слабого и никчемного императора? Явно же готовит почву для собственного захвата власти!

Разве новый император не труслив, как мышь? Не ровен час, не успеет трон прогреться, как он сам добровольно отречется от престола!

И тогда Чжэньнань-ван получит власть законно, и никто слова не скажет.

Даже самый преданный государству Хоу Защитник Государства думал примерно так же.

Никто не ожидал, что после возвращения Чжэньнань-вана из карательного похода на юг всё изменится. Император начал править самостоятельно, Чжэньнань-ван добровольно отдал власть, и они в одночасье стали образцом мудрого правителя и верного подданного, готовых вместе возродить Великую Ци!

Увидев такие перемены, Хоу Защитник Государства даже исцелился от болезни и теперь каждый раз с воодушевлением являлся на аудиенции.

Однако даже сейчас казна Великой Ци была пуста, и страна держалась на плаву исключительно благодаря морской торговле, поэтому многие продолжали занимать

выжидательную позицию.

Цзи Цзиньжун не обращал на это внимания.

Его интересовала морская торговля. Раньше он и мечтать не мог о том, чтобы увидеть море — даже выход из покоев на холодный ветер мог стоить ему жизни!

За последние месяцы Цзи Цзиньжун прочитал немало книг, оставленных Чжэньнань-ваном, и узнал много нового.

Оказалось, мир был гораздо больше, чем он мог вообразить. Некоторые места находились так далеко, что до них невозможно добраться верхом, а только на корабле, ориентируясь по компасу в бескрайнем океане. Там были богатые залежи полезных ископаемых, неведомая растительность и почти полное отсутствие населения — фактически ничейные земли.

Оказалось, мир не плоский, как учил наставник, а похож на шар, и они живут на его поверхности, пользуясь богатыми ресурсами земли.

То, что писал Чжэньнань-ван, переворачивало представления Цзи Цзиньжуна. Он был человеком любознательным и, хоть и доверял Чжэньнань-вану, хотел увидеть всё своими глазами.

Цзи Цзиньжун сел на рыжего коня, и они вместе с Чжэньнань-ваном выехали из дворца.

Чжансунь Мэн, личный телохранитель Цзи Цзиньжуна, молча повел за собой императорскую гвардию. Глядя на грозных воинов Лагеря Черной Конницы и на Чжэньнань-вана, скачущего рядом с императором, он чувствовал глубокое уныние.

Он не мог сравниться с Чжэньнань-ваном, и его люди тоже уступали — это было так обидно.

Если бы не нужда в защите императора, он бы немедленно рванул на границу, чтобы закалить себя в боях!

От этой мысли Чжансунь Мэн приуныл еще больше.

Цзи Цзиньжун, словно прочитав его мысли, приставил к нему Хань Шичжи в качестве наставника, приказав изучать военную стратегию и тактику, и запретил отпускать его, пока тот не получит одобрения учителя.

И пусть Хань Шичжи был всего лишь книжником, он оказался тем еще занудой, то и дело заставляя его переписывать трактаты! А если Чжансунь Мэн чего-то не понимал, тот смотрел на него с немым вопросом: как на свете может существовать такой глупец? Если Чжансунь Мэн пытался спорить, Хань Шичжи неизменно отвечал:

— Его величество понял это с первого раза.

Чжансунь Мэн был в ярости.

Если бы каждый обладал таким умом, как у Цзи Цзиньжуна, разве осталось бы в мире столько дураков?

Хотя нет, он не дурак, просто чуть глупее императора.

Чжансунь Мэн неотступно следовал за Чжэньнань-ваном и Цзи Цзиньжуном.

До ближайшего порта было около двух часов пути. Они выехали рано утром и, неспешно продвигаясь, добрались до места, когда зимнее солнце уже поднялось в зенит. Море сияло под лучами, словно бескрайнее поле рассыпанного золота.

Вдыхая солоноватый морской воздух, Цзи Цзиньжун почувствовал, как его грудь наполняется восторгом от этого нового, ни с чем не сравнимого ощущения.

Это было море.

То, что он раньше видел только в книгах.

Наставник всегда говорил, что море коварно, поэтому в его воображении оно рисовалось как некое чудовищное зло. Увидев его воочию, он понял, что море может быть таким нежным и прекрасным.

Цзи Цзиньжун посмотрел на Чжэньнань-вана:

— Многие вещи нужно увидеть самому, чтобы понять, где правда.

Чжэньнань-ван смотрел на сияющее лицо Цзи Цзиньжуна.

— В будущем вы обязательно увидите весь мир своими глазами, — пообещал он.

То, о чем говорил Чжэньнань-ван, было именно тем, к чему стремился Цзи Цзиньжун. Но, будучи императором, он не был свободен и не мог позволить себе уехать далеко. Тем более что проблемы Чжэньнань-вана еще не были решены, какая уж тут прогулка. Увидев, что Чжансунь Мэн и остальные отстали, Цзи Цзиньжун позвал:

— Ши-тоу.

Чжэньнань-ван как раз укутывал ладони Цзи Цзиньжуна, чтобы тот не обморозился. Услышав зов, он откликнулся:

— Ваше величество, я здесь.

— Как бы велик ни был мир, — тихо произнес Цзи Цзиньжун, — если ты один, в этом нет никакого смысла.

Говорить было трудно, но некоторые слова нужно было произнести. Он не чувствовал особой привязанности к этому миру, разве что жалость к Хоу Защитнику Государства и Хань Шичжи, которые беспомощно наблюдали за гибелью своей страны. Если бы ему пришлось пожертвовать жизнью Вэй Тинцзюня ради своего спасения, то какой смысл был бы в его возвращении?

Если бы он не знал о чувствах Вэй Тинцзюня, было бы проще, но теперь, когда он всё понял, он не мог спокойно пользоваться жизнью, которую тот продлевал для него ценой невероятных усилий.

Цзи Цзиньжун смотрел на Чжэньнань-вана.

Даже после того, как он сказал, что попробует научиться, Чжэньнань-ван был счастлив услышать это признание — внутри него словно что-то расцвело. Раньше Цзи Цзиньжун не смел

думать о завтрашнем дне, и он тоже боялся. Теперь всё было иначе. Когда Цзи Цзиньжуна не было рядом, он мог бороться с самой судьбой, так неужели он не сможет бороться, когда его император рядом?

Чжэньнань-ван отбросил мрачные мысли, и на душе у него стало легко.

— Я никогда не оставлю вас одного, — твердо сказал он.

Цзи Цзиньжун рассмеялся:

— Вот это правильно.

Это был тот самый Вэй Тинцзюнь, которого он знал.

Вэй Тинцзюнь, которого он помнил, никогда не был человеком, который пасует перед трудностями.

Они найдут выход из любого тупика, тем более что они еще не зашли так далеко!

День выдался прекрасный, морской бриз был сильным, но не слишком холодным. Чжэньнань-ван повел Цзи Цзиньжуна к самому краю длинного причала, где белые гребни волн с грохотом разбивались о каменные стены.

Эти причалы были построены по приказу Чжэньнань-вана.

Еще в самом начале своего пути в этом мире он понял, что Великая Ци находится на грани краха.

Для империи, прогнившей до корней, менять что-то изнутри было уже поздно. Чтобы исправить положение, нужно было либо вырвать всё с корнем, либо найти внешнюю силу, способную к преобразованиям. Чжэньнань-ван побывал во многих мирах, и всё вокруг — каждая травинка, каждый камень — было для него ценным материалом.

Приходя в новый мир, он никогда не стремился его разрушить, а пытался нащупать пульс эпохи.

Он готовился к приходу Цзи Цзиньжуна, и в этот раз его взгляд был устремлен на морскую торговлю. Из книг он знал, что западные страны смогли выйти из темных веков именно благодаря развитию морского дела (и пиратства), которое оживило их экономику.

Чжэньнань-ван просто сделал всё это до того, как за дело взялись местные амбициозные дельцы!

Именно потому, что он контролировал главные ресурсы этого мира, он и стал могущественным инофамильным ваном. Вокруг него сплотилась группа верных сторонников, готовых следовать за ним до конца.

Именно на этих преданных людей он опирался в борьбе с Главным Мозгом.

Переломить ход событий в мире, который катился в бездну, было непросто, а вот ускорить его падение — проще простого.

Сердца людей были его главным козырем.

Этому его научил Цзи Цзиньжун. Раньше он не понимал, думал, что просто делает всё ради императора, собирает народную любовь, охраняет страну, которую тот хотел защитить, и народ, о котором тот пекся.

О самом троне он никогда не помышлял.

Лишь когда Цзи Цзиньжун был при смерти и старый наставник огласил его завещание, он понял, что Цзи Цзиньжун шаг за шагом передавал ему государственную власть. Всё это было частью великого замысла его величества.

— Ваше величество, корабли вернулись, — сказал Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун проследил за его взглядом: на горизонте показались верхушки мачт, а вскоре и сами величественные суда. Корпуса выглядели прочными, морские волны не нанесли им никакого вреда. Вскоре слышались выкрики матросов — крепкие парни работали слаженно и уверенно.

Корабли заполнили гавань. Опытные моряки на палубах отдавали команды, и в сторону причала полетели толстые канаты, которыми суда надежно пришвартовали к массивным железным кольцам.

Первым с корабля сошел военачальник и, подойдя к Чжэньнань-вану, опустился на колени:

— Ваше Высочество, я выполнил приказ и привез всё, что вы просили! — он осторожно взглянул на юношу рядом с ваном. Тот выглядел как молодой аристократ, и военачальник недоумевал, почему он стоит бок о бок с Чжэньнань-ваном.

Чжэньнань-ван слегка нахмурился. Нельзя было винить подчиненного в том, что он не узнал императора — не каждому выпадала честь видеть его в лицо. Но даже так, Чжэньнань-вану не нравилось, что его подчиненный так бесцеремонно разглядывает Цзи Цзиньжуна.

— Это Его Величество, — сухо произнес он.

Военачальник был поражен и поспешно склонился в поклоне:

— Приветствую Ваше Величество!

— Встаньте, — ответил Цзи Цзиньжун.

Чжэньнань-ван приказал военачальнику доложить о результатах плавания.

Тот не стал медлить:

— Ваше величество, не желаете ли осмотреть корабль?

— С удовольствием, — улыбнулся Цзи Цзиньжун.

От этой улыбки военачальник на мгновение потерял дар речи. Но стоило ему прийти в себя, как по спине пробежал холодок. Подняв глаза, он увидел, что Чжэньнань-ван смотрит на него ледяным взглядом, словно на покойника.

Военачальник вздрогнул и поспешил проводить императора на корабль.

Цзи Цзиньжун хотел было последовать за ним, но Чжэньнань-ван взял его за руку. Уши Цзи

Цзиньжуна слегка покраснели, и он бросил на вана сердитый взгляд.

Чжэньнань-ван невозмутимо ответил:

— Свой люди, не бойтесь.

На самом деле, даже при чужаках он бы не стал бояться. Его пугало лишь одно — если его императору будет плохо или он рассердится. А что думают остальные, его никогда не интересовало.

Цзи Цзиньжун ничего не мог с ним поделать и, не сопротивляясь, позволил Чжэньнань-вану держать свою руку.

Так было довольно тепло! =w=

Осмотрев грузы на двух десятках кораблей, Цзи Цзиньжун был поражен.

— Заморские земли воистину удивительны, — сказал он.

— Не то чтобы удивительны, просто для нас это в новинку, — ответил Чжэньнань-ван. — Зато тамошние богачи больше всего любят новинки. Если попросить их пожертвовать на ремонт дорог, они удавятся, а за всякие диковинки выложат тысячи монет, не задумываясь. Один такой рейс окупает налоги всей Великой Ци за три года.

<http://bllate.org/book/22178/2310783>